

избранной сфере знания всю жизнь. Даже вузовского образования у Арсеньева не было: пехотное училище – и все. Ученой степени не получил, главных трудов – «Страна Удэхе», «Древности Уссурийского края», «Теория и практика путешественника» – не окончил.

Уточнял карты – но нам-то какой прок от тех карт, если в каждом мобильнике ныне есть GPS?

Остаются книги. Но и они, как говорил его земляк по Приморью и внимательный читатель Александр Фадеев, не для всех. Арсеньев работал на водоразделе литературы и науки. Чтение его книг, изобилующих пространными описаниями и гроздьями терминов, – занятие непростое. Да и были в его времена писатели куда более сильные...

Кто такой Арсеньев? Зачем он нам?

Автор

Уникальность его книг – в синтезе документа, изящной словесности, личного опыта. Известна формулировка Горького: Арсеньев объединил в себе Брема и Купера.

Его книги – вовсе не полевой дневник, прошедший редактуру. Арсеньев преодолевал документ, поднимаясь к вершинам художественной философской прозы.

Строгий, даже педантичный наблюдатель – и вдохновенный лирик, романтик: «Так и казалось, что вот-вот откуда-нибудь из-за пня выглянет маленький эльф в красном колпаке, с седой бородой и с киркою в руках...»

Интереснейший вопрос – степень беллетризации, дозировки художественного и документального в книгах Арсеньева. Взять образ гольда (нанайца) Дерсу Узала; его прототип Дэрчу Одзял, судя по свидетельствам спутников Арсеньева и его же дневникам, серьезно отличался от литературного двойника. Последний – образ собирательный (чуткий Пришвин: «В Арсеньеве было больше Дерсу, чем в диком гольде»), идеализированный. Дерсу – «первобытный коммунист», живущий в гармонии с собой и миром, обладающий экологическим сознанием, не принимающий технический прогресс в отсутствие нравственного. Не осмыслив Дерсу именно как литературный образ, мы не поймем писателя Арсеньева.

Еще в 1905 году, задолго до экологических бумов, Арсеньев ставил вопрос об охране природы, ограничении рубок, «охотничьем законе». Типичный для него эпизод: отряд спугнул изюбрей, солдат хочет стрелять, но Арсеньев его останавливает. Так же ведет себя таежник Дерсу: мог убить нескольких изюбрей, но ограничился рябчиком. «К охране природы, к разумному пользованию ее дарами этот дикарь стоял ближе, чем многие европейцы, имеющие претензию на звание людей образованных и культурных», – пишет Арсеньев, один из первых российских экологов (насколько же он отличался от своего предшественника Пржевальского, которого бы сейчас попросту осудили за браконьерство в особо крупных размерах!). Эколог в Арсеньеве был неотделим от государственника. Он выступал за выдворение китайских «хищников и браконьеров» – и занялся этим сам в 1911 году по поручению генерал-губернатора Гондатти. А когда в 1921 году (Приморье – еще под японской оккупацией) встал вопрос об аренде Командорских островов японцами, именно Арсеньев выступил против.

Тайга, которую Арсеньев сравнивал с храмом, проявила и усилила его скепсис в отношении цивилизации. «Я видел перед собой первобытного охотника, который всю свою жизнь прожил в тайге и чужд был тех пороков, которые вместе с собой несет городская цивилизация», – пишет он о Дерсу. Еще:

«...Дикарь был гораздо человеколюбивее, чем я. Что же такое культура? Не путаем ли мы тут два понятия: материальная культура и культура духовная... Отчего же у людей, живущих в городах, это хорошее чувство... заглохло». Еще: «Раньше я думал, что эгоизм особенно свойствен дикому человеку, а чувство гуманности, человеколюбия и внимания к чужому интересу присуще только европейцам. Не ошибался ли я...» Стоя у могилы убитого Дерсу, Арсеньев выносит приговор: «Цивилизация родит преступников... Обман начинается с торговли, потом... идет ростовщичество, рабство, кражи, грабежи, убийства и, наконец, война и революция». Возможно, именно критика цивилизации, современного городского человека – главное послание Арсеньева нам.

Сталкер Дерсу чуток к сигналам одушевляемой им природы: то «рыба говори, камень стреляй», то дерево падает поперек тропы... Арсеньев постепенно начал верить во всю эту чертовщину: в таежном монастыре – свой устав, да и приметы странным образом сбываются. Ни разу не уличенный во лжи, Арсеньев даже описал свою встречу с «летающим человеком» – кем-то вроде йети. А когда проводник и «незаурядный шаман» Сунцай Геонка рассказывает ему о речных женщинах Ганиги, Арсеньев записывает совершенно серьезно – как биолог не то этнограф: «Меня поразило в описании Ганиги сходство с русалками... Может быть, русалки и Ганиги зародились где-нибудь в Средней Азии... Отсюда они попали на запад к славянам и на северо-восток к удэхейцам».

Этика, философия, экология – вот глубинные пласты арсеньевской прозы, которые делают наследие Владимира Клавдиевича современным, важным, нужным.

Он актуален и как публицист. Из работы 1914 года «Китайцы в Уссурийском крае»: «Вопреки весьма распространенному, но ни на чем не основанному мнению, что китайцы будто бы владели Уссурийским краем с незапамятных времен, совершенно ясно можно доказать противное: китайцы в Уссурийском крае появились весьма недавно». Этот тезис не утратил важности, потому что некоторые китайцы и теперь утверждают, что Приморье было китайским, а иные русские им потворствуют. Арсеньев же доказывает: Приамурье и Приморье до середины XIX века китайцев не интересовали. «Амурский... край китайцы почти совсем не знали, и только появление в этой стране русских заставило их обратить на нее свое внимание. Уссурийский же край находился в стороне, и о нем китайцы знали еще меньше... пока не появились Невельской и Завойко». С русскими в конце 1850-х на юг Дальнего Востока пришло российское государство; китайское государство не приходило сюда никогда. Арсеньев доказывает: у России куда больше исторических прав на Дальний Восток, чем у Китая. Не странным ли выглядит наше невнимание к этим арсеньевским мыслям?

Прописав Приморье в литературе, Арсеньев завершил начатое разведчиками и дипломатами XIX века приращение юга Дальнего Востока к России, ибо по-настоящему освоенной становится только земля, ожившая в слове.

Человек

Никак не меньше книг важна жизнь Арсеньева, сам тип его личности: пассивный, интеллигент, подвижник, офицер-самоучка, ставший ученым всеохватного, леонардовско-ломоносовского типа. Жизнь его – нечастый в России пример того, как человек реализуется путем не покорения, а, напротив, оставления столицы.

Цельный, честный, волевой; настоящий русский интеллигент – китайцы в тайге даже приняли его за писаря, сочтя командиром казака Анофриева, который «кричал на них, ругался и гнал из чистой половины в помещение для рабочих». Арсеньева кричащим и ругающимся представить сложно. На биваке

